

ПИСЬМО

В РЕДАКЦИЮ

Соб. Керемишурра, —

1989, 5 сент.

Долг
памяти

Если бы любовь могла продлевать жизнь, этот человек не умер бы никогда — так его любили. Любили друзья, коллеги, ученики, просто посторонние люди. И он любил людей и не мыслил без них своей жизни. Судьбой Наума Азарина-Месерера стал балет.

Наверное, многие помнят его как танцовщика, виртуозного исполнителя многочисленных ролей классического и современного репертуара в Московском академическом музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, Пермском академическом театре оперы и балета. Но почти одновременно с исполнительской деятельностью Наум Азарин начал заниматься педагогикой — давать классы, репетировать. И это оказалось его призванием и предназначением. Мало сказать, что он достиг в этом деле вершин, что он стал выдающимся учителем. Блестящая плеяда учеников Азарина составляет славу советского балета сегодня и его надежду на завтрашний день. Труд, талант, вдохновение педагога — в основе успеха учеников, в блеске конкурсных медалей Ирека Мухамедова, Михаила Крапивина, Станислава Исаева, Александра Горбачевича, Игоря Терентьева, совсем молодых Ильгиза Галимуллина и Владимира Малахова. В ежедневной работе на радость зрителям не только признанных «звезд», но всех, кто был воспитан Наумом Азариним в лучших традициях московского балета.

Когда стало известно о его тяжелой болезни, не будет преувеличением сказать, что поднялся весь балетный мир. Друзья, коллеги, ученики из Европы, Америки, Японии предлагали помощь, предлагали деньги на проведение операций, на консультации у мировых медицинских светил. Готовы были оказать любую помощь, любое содействие, дать на любом уровне и в любой стране бла-

готовительные концерты выходящиеся мастера нашего балета. Оказалось, поздно — не выдержало сердце.

Последний день своей жизни он полностью провел в нашем театре. Дал, как обычно, класс, репетировал. Но, закончив репетиции, не спешил уходить, долго разговаривал с артистами. Как ни невыносимо вспоминать то, что он рассказывал в этот день, не вспомнить мы считаем преступлением перед его памятью. А рассказывал он все о том же, о чем сейчас так много говорят и пишут, о чем недавно вновь в обзоре почты писала и «Советская культура», — о состоянии нашей медицины. О больнице, где каждые два-три дня ему должны были делать диализ — процедуру, которую заменить работу почек, об ужасных условиях, о негодном качестве раствора, из-за которого возникали мучительные побочные явления, о заявлении кого-то из персонала: «У нас единицы нет смотреть за раствором!». Он говорил об этом с возмущением и болью. Не за себя — себя он считал находящимся в исключительном положении, ведь впереди была все же перспектива операции в прекрасной зарубежной клинике, разумеется, с соответствующим уходом, процедурами и персоналом. Он переживал за тех, кого он называл «сорок парней» и которые терпели мучения вместе с ним, думал о том, как можно им помочь.

От имени всех друзей и коллег Наума Азарина мы хотим спросить руководство клиники, Министерство здравоохранения СССР: что мы можем сделать для того, чтобы стало возможным хотя бы открыть пресловутую «единицу» в клинике терапии и профзаболеваний, что на улице Россолимо? Что мы можем сделать для того, чтобы хотя бы немного облегчить страдания тех людей, о которых думал и говорил Наум Азарин в последний день своей жизни?

Наталья КАСАТКИНА,
Владимир ВАСИЛЕВ.